

ВЕРА СИТНИКОВА <https://orcid.org/0000-0002-1864-6219>

Московская международная академия
115184 Москва
ул. Новокузнецкая, 25
priem@mmamos.com

**ФЕНОМЕН ГУЗЕЛИ ЯХИНОЙ
(К ВОСПРИЯТИЮ РОМАНА
ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА)**

**THE PHENOMENON OF GUZEL YAKHINA:
ON THE RECEPTION OF THE NOVEL
*ZULEIKHA OPENS HER EYES***

В статье анализируются значимые аспекты романа Г. Яхиной *Зулейха открывает глаза* и его восприятие критикой. В частности, рассматриваются связи художественного мира романа с традициями русской литературы в изображении «естественного человека», особенности звучания вечных тем любви, материнства, веры, становления личности, своеобразия раскрытия темы репрессий 1930-х годов. Осмыслены основные тенденции суждений критиков и рецензентов, сделана попытка объяснить причины успеха романа у читателей.

Ключевые слова: вечные темы, трансформация сюжета, национальный контекст, человек естественный, литературная генеалогия.

The article analyzes salient aspects of Guzel Yakhina's novel *Zuleikha* (*Zuleikha opens her eyes*) and its critical reception. First of all, the author discusses the connections of the artistic world of the novel with the Russian literary tradition with respect to the image of "the natural man". Particular attention is paid to the treatment of the "eternal themes" of love, motherhood, faith, the formation of personality as well as to the originality with which the author approaches the topic of the mass repression of the 1930s. The predominating opinions of critics and reviewers are interpreted, and an attempt is made to indicate the reasons for the novel's popularity with the readers.

Translated from the Russian by Marta Kaźmierczak

Keywords: the eternal themes, transformation of the plot, national context, the natural man, literary genealogy.

Чудесным девочкам – Анне и Александре – посвящая

Gloria mundi

За последнее десятилетие литературной жизни России не было произведения, тем более дебютного, которое так бы приковало внимание широкой аудитории: роман *Зулейха открывает глаза* вызвал на одном полюсе восхищение, горячее признание таланта автора читателями и многими литературными обозревателями, снискал высокие награды на родине: «Большая Книга», «Книга года», «Ясная Поляна», «Премия читателей», в молодежный совет которой входят читатели от 16 до 35 лет. Во Франции книга получила премию Transfuge в номинациях «Лучший русский роман» и «Лучший писатель» премии «Сира-но» (от Le Courrier de Russie). Последняя вручается выдающимся людям России и Франции. Более того, роман вышел на тиражные обороты в 119 000 (только на русском) при «норме» в 3–5 тысяч, был переведен на 20 языков (к апрелю 2018 г.), среди которых и польский. И это за 3 года после его появления!

Конечно, не получи книга ряда серьезных премий, критические шпаги не скрестились бы так яростно и звонко. Автора уличают в промахах фактических (история вывернута наизнанку¹), в грехах этических («продажа своего народа»², «ода безродному космополитизму»³, «колониальный роман, каждая страница которого дышит ложью»⁴) и эстетических (Зулейха – низкопробная копия *Скарлетт*⁵, книга, «предсказуемая до зевоты»⁶, – образец «изящного русоедства с тюркским колоритом»⁷) и пр. Болезненную реакцию вызвал роман в Татарстане: полные обиды упреки («татар показывают аборигенами»⁸) сменяются гневными обвинениями

¹ Р. Айсин, *История одного предательства*, [электронный ресурс] <http://poistine.org/is-torua-odnogo-predatelstva> [12.09.2018].

² В. Имамов о романе *Зулейха открывает глаза*: «У женщины для этого не хватит ума», [электронный ресурс] <http://www.business-gazeta.ru/article/300676> [12.09.2018].

³ Р. Айсин, *История одного предательства*, [электронный ресурс] <https://www.poistine.org> [12.09.2018].

⁴ М. Хабутдинова. *Если заглянуть в глаза Зулейхе*, [электронный ресурс] <https://www.kalebtatar.ru> от 21.12.2015 [12.09.2018].

⁵ И. Распопина, *Сибирская Скарлетт, или «Зулейха открывает глаза»*, [электронный ресурс] <https://www.livelib.ru/book/1001173596/reviews/articles.ircity.ru> [12.09.2018].

⁶ Г. Юзефович. *Следы на воде, Зулейха и завидное чувство Веры Стениной. Женская проза. Обзор*. [электронный ресурс] <https://www.medusa.io> [12.09.2018].

⁷ Б. Войцеховский, *интервью с Ю. Поляковым: Для премий важно «отчуждение»*, «Вечерняя Москва», 9 декабря 2015.

⁸ М. Хабутдинова. *Если заглянуть в глаза Зулейхе*, [электронный ресурс] <http://kalebtatar.ru/article/2813>, 21.12.2015 [12.09.2018].

в «демонтаже психосоматических основ татарского народа»⁹ и требованием не печатать *Зулейху...* на татарском¹⁰. Знаково, что откровенное нежелание видеть роман напечатанным и настоятельная рекомендация по его «доводке» принадлежит «товарищу» по литературному цеху – народному писателю Татарстана, который к своему 80-летию издал десятитомник собственных творений, в том числе и книгу о президенте Шаймиеве...

Что касается премий... Вообще-то они всегда отражают горизонт ожиданий читателей и запросы общества, с другой стороны – служат вектором в формировании литературной элитой вкусов массового читателя. В случае Яхиной критика, зачастую исключительно субъективная, свое дело сделала: автор услышал и хвалу, и хулу, и клевету. Но на роман откликнулись и филологи, и политологи, и историки... Итак, *вчера* – пара никем не замеченных рассказов. *Сегодня* два романа (в мае увидели свет *Дети мои*), первый из которых – *Зулейха...* – собрал урожай земной славы. И значит, уже *сегодня* Яхиной придется доказывать каждым словом и появлением на публике независимость своей позиции, верность убеждениям и цельность взглядов.

Нам хотелось бы поразмышлять над мнениями рецензентов и приблизиться к разгадке невероятного успеха *Зулейхи...*, чтобы понять: в чем своеобразии романа? И еще: произошедшее с ним и ее автором – случайность, ошибка профессионалов, вызвавшая цепную реакцию в литературных кругах, в то время как перед нами произведение тривиальное, из разряда масскультуры? Или мы имеем дело с добротным продуктом, раскрученным издателями? Или же роман действительно заслуживает серьезного прочтения и размышления? А может, *Зулейха...* – явление высокой литературы, слово писателя, идущего в русле традиций русской прозы и в то же время раздвигающего границы привычного, ломающего стереотипы? Или вообще произошедшее с Яхиной пока не имеет обозначения и свидетельствует о литературном и – шире – культурном феномене? Пришло время *close reading* – пристального чтения.

Тема романа: *pro et contra*

У книги есть посвящение: «всем раскулаченным и переселенным». Оно вынесено на обложку русского издания, татарский же перевод Яхина посвятила бабушке, которая семилетней девочкой с родителями – «врагами народа»

⁹ Р. Айсин, *История одного предательства*, [электронный ресурс] <http://poistine.org/istorua-odnogo-predatelstva> [12.09.2018].

¹⁰ Р. Батулла, *Что увидела Зулейха, когда открыла глаза?*, «Казанские ведомости» 2016, № 9, 26 января.

– была выслана в Сибирь. Роман не писался по канве ее биографии, но был, по признанию автора, отправной точкой замысла. Как же был оценен выбор темы? Вот мнение известного критика.

Точка зрения. «Тема избитая, потому что в литературе художественной и документальной все о сталинской эпохе не только сказано, но и прописано до последней мелочи»¹¹.

Наш комментарий. С обвинением в «избитости» невозможно согласиться. И вот почему. Появившийся роман – следующий шаг в разработке важной для русской литературы темы противостояния человека жестокому веку. Темы, которая еще очень долго не будет исчерпана, особенно в наши дни, когда вождь всех народов и друг всех детей снова решительно утверждает в нашей жизни, как горько и справедливо пишет один из известных современных специалистов по востоку...¹²

Глазами робкой, неграмотной мусульманки с неререфлексирующим сознанием читатели еще не смотрели на годы «великого перелома». Этот найденный Яхиной ракурс и его результат – создание национальной картины мира – уникален. Роман, в котором три части из четырех занимает повествование о жизни «в бескрайнем таежном море» татарки, высленной из родной деревни в сто дворов, ее сына и горстки самых разных людей, – от марийского крестьянина, на глазах которого по дороге мучительно гибнет вся его семья, до ленинградских интеллигентов, – всех, кого государство сочло подлежащими перевоспитанию, создан писателем Другой Эпохи. И в этом смысле *Зулейха...* встала рядом с книгами, написанными очевидцами событий тех лет, – Художниками, успевшими сказать о них свое Слово. Таким образом, тема, выбранная Яхиной, – свидетельство разворачивающегося процесса: литература вступает в иную фазу осмысления Истории, когда трагический опыт, пережитый индивидуально, отдельным человеком, столкнувшимся с силами «века-волкодава», на этапе жизни следующих поколений переосмысливается и трансформируется в письменный текст, становясь таким образом частью культурной памяти не одного человека, его семьи, но целого народа. Без этой памяти, в которой, как точно сказано поэтом, «такая скрыта мощь, / Что возвращает образы и множит»¹³, невозможна самоидентификация личности. И эту внутреннюю работу читателю молодому (не случайно книге отданы симпатии этой возрастной

---

¹¹ М. В. Кучерская, *В заколдованном лесу*, [электронный ресурс] www.vedomosti.ru, 09 июня 2015 [12.09.2018].

¹² Р. Беккин, *Мокрая курица татарской литературы, или Кого предала Зулейха*, «Сибирские огни» 2016, № 9.

¹³ Д. Самойлов, *Память*, [электронный ресурс] www.rustin.ru [14.09.2019].

категории) легче начинать через осмысление прозы, во-первых, соединяющей жанры *history* и *story*¹⁴. Во-вторых, несущей в финале утешение, а значит, всегда ожидаемой публикой. В-третьих, написанной твоим современником – проза писателей старшего поколения – Л. Чуковской, А. Солженицына, В. Шаламова обжигающая, беспощадна. До нее нужно дорасти. Дозреть. А дистанция в два-три поколения, отделяющая Яхину от периода Большого Террора, позволила ей говорить о произошедшем с ее героями как об общем в судьбе соотечественников – коллективном «травматическом опыте»¹⁵. Последствия катастрофы, сбившей с оси бытия миллионы людей, не растворились в толще времени – они отзываются в судьбах внуков и правнуков раскулаченных, сосланных, лишенных прав, расстрелянных, замученных. Даже если их потомки не всегда осознают эти связи. Действительно, много ли в современной России семей, где знают о своих близких до 3-го и 4-го колена? Исчезнувшие родственники, разрушенные отношения. Переезды с места на место, бегство. Отобранные дома и земля, опечатанные комнаты. Уничтоженные фотографии и письма, рукописи и документы. Анкеты при поступлении в вуз и на работу, наводящие ужас, потому что в каждом доме о чем-то недоговаривали, окружая заговором молчания опасную для живых тайну, – в обстоятельствах полуправды или откровенной лжи росли поколения. И Яхина остро чувствует эту особенность советской и постсоветской эпох – свою «раненность» 30-ми годами она объяснила так: «У нас у всех подрезаны корни»¹⁶. Поэтому ее книга «попала в сердце»¹⁷ тем, кто судьбу Зулейхи, Юзуфа, бегущего из Семрука, Игнатова – ярого сторонника коммунистической идеи, ставшего еще одной ее жертвой, принял как историю, отзывающуюся родовой памятью о потерях в их семьях. Без личного самоопределения невозможно самоопределение народа, а тем более – на новом витке истории, имеющей печальную закономерность повторяться. И писатели берут на себя такую заботу – восстанавливать связи между поколениями. Яхина – одна из них.

И еще. Разве масштаб таланта определяется темой? Если так, то наделенным подлинным дарованием считался бы лишь тот, кто первым обратился к мотиву страстей Христовых или образу «маленького человека»,

---

¹⁴ М. и В. Абашевы, *Книга как симптом. Как сделан роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза»*, «Новый мир» 2016, № 5, [электронный ресурс] www.magazines.ru [14.09.2019].

¹⁵ И. Савкина, А. Розенхольм, *Секрет ее успеха*, [электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru> [14.09.2019].

¹⁶ Г. Яхина: «Эмоция – самое важное в искусстве и если мне удалось зародить ее в читателях...», *les.media, les Alpha*, публикатор – Русина Шихатова

¹⁷ Л. Улицкая, *Зулейха открывает глаза: роман/ Гузель Яхина; предисловие Л. Улицкой*, Москва: АСТ 2017.

прочие же шли по разряду эпигонов, а то и плагиаторов. Истинный художник находит свой ракурс, свою интонацию в разработке «вечной» темы. Это качество присуще автору *Зулейхи*....

Зулейха: к вопросу о генезисе образа

Вниманием критики, конечно, не обойден героиня. Вот одна из самых жестких и в определенном смысле показательных оценок.

Точка зрения. Писательница кощунственно эксплуатирует в заглавии патриотический потенциал имени Зулейха, тогда как в романе она воровка, язычница, лицемерка¹⁸.

Наш комментарий. Что дает обозревателю основание для столь беспелляционных суждений? Собственные имена, выбранные писателем, восходят к фольклорному памятнику мусульманских народов востока – истории о Зулейхе и Юсуфе: Зулейха остается верна своей любви к мужчине, увиденном ею однажды во сне, в борьбе за которого она не гнушается даже клеветы. Позже сюжет обрел трактовки и стал известен как легенда о Юсуфе-пророке в коранических текстах и о Иосифе Прекрасном – в библейском. Он отражен во множестве поэтических переложений IX–XV вв., в частности, к нему обращались Фирдоуси и Кул Гали. В сюжете же Яхиной Зулейха – мать, а не возлюбленная, изменена и огласовка имени ее сына – Юзуф. Следовательно, писатель наделяет своих героев именами, окруженными ореолом культурных ассоциаций, но при этом не находящимися в монопольном владении одной нации. На уровне фабулы и фонетических изменений мужского имени подчеркивается: перед читателям будет разворачиваться иная история, трансформирующая известный сюжет, ведь культура – плавильный котел сотворенных человечеством сюжетов и образов. Очевидно, что первая часть пересыпана татарскими словами и выражениями, о значении которых мы догадываемся чаще всего из контекста или узнаем из словаря, составленного автором. И это не экзотика ради экзотики: глазами Зулейхи мы видим детали татарского зажиточного дома, где дверь обита войлоком, а на чердаке ждут своего часа «крупно-пупырчатый соленый гусь», и конская колбаса, и пастила. В этом укладе столько выверенного веками, обдуманного и воплощенного рачительными хозяевами, такими теплыми красками он выписан! Правда, романист не сглаживает углы в характерах героев

---

¹⁸ М. Хабутдинова, *Если заглянуть в глаза Зулейхе*, [электронный ресурс] <http://kalebtatar.ru//article/2813>, 21.12.2015 [14.09.2018].

– прижимистости в шестидесятилетнем Муртазе, крепком хозяине; бесправности и стертости мира Зулейхи, вся жизнь которой с оглядкой на авторитеты мамы и свекрови растворена в быте. По ходу сюжета национальный (татарский) контекст истончается – уходит ласковая стихия языка. Примечательно: Яхина в русской речи умело передает темпоритм татарского языка. Вслушаемся: «Никому тебя не победить, не сломить, и сон мой вчерашний про это был, сам знаешь. Если кому и суждено покинуть этот дом или этот мир, так не тебе. Твоя мелкозубая жена не смогла родить тебе сына и скоро пропадет в преисподней». Яхина работает внутри традиции: так, Лермонтов в рассказе Казбича о Карагёзе, не давшемся в руки врагов, передавал колорит характера, сохраняя в русскоязычном тексте звучание его восточной речи, но при этом очень «дозированно» используя этнографизмы. Очень сдержанна в этом отношении и Яхина: только первую главу романа можно назвать этнографической инкрустацией: ее цель – показать мир татарской деревни, татарского сознания и его изменения в трагических обстоятельствах истории. Подчеркнем: автор *Зулейхи...* принадлежит двуязычной культуре, она литератор двойной культурной идентичности и переводить книгу на татарский сама не рискнула. Мысль ее утонченнее: через образы матери и сына она показывает, что в мультикультурном мире, уже не ориентированном на патриархальную модель, признание в себе национального происходит через... отход от него и принятие пестроты, сложности мироздания, а затем уже возвращение к национальным корням. Именно так там, на краю земли, где скудеют все силы, человек становится способен к самосотворению. Такая диалектика образа тоже опрокидывает некоторые читательские ожидания.

Точка зрения. «Примитивно изображено в романе традиционное сознание»¹⁹.

Наш комментарий. Справедливо ли это замечание? Что ж, обратимся к роману. Первая глава его – один день жизни героини, и этот сюжетный ход, реминисцентный по отношению к Солженицыну, раскрывает 15-летнюю замужнюю жизнь героини. Ее покорность мужу и столетней свекрови находит отражение в названии первой главы – *Мокрая курица*: жизнь 30-летней Зулейхи растворена в привычных ей нескончаемых заботах о семье, доме, живности. Используя несобственно-прямую речь, ведя повествование в настоящем времени, Яхина показывает мир крестьянки, разворачивает картины ее страхов, маленьких тайн, робких ответов про себя большой и страшной свекрови – Упырихи. Повседневные труды хрупкой зеленоглазой женщины диктуются

---

¹⁹ В. Пустовая, *Большой роман с вишенкой*, [электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru> [15.09.2018].

и самой крестьянской жизнью, и национальным укладом. Одно только описание подготовки бани строится как динамический ряд, включающий более десятка глаголов: расчистить, натаскать, растопить, сыпануть, вымыть, замочить, принести, расселить, одеть, довести, снять, начать разминать, попарить.

Для Зулейхи начала повествования органично смотреть на себя глазами свекрови, презрительно называющей ее «мокрой курицей». Она себя не осознает, для мужа она просто «женщина», всего лишь раз он обращается к ней по имени. Вот одна из сцен: после многих часов рубки деревьев под песни «свирепо танцующей метели» героиня почти не чувствует ставшего рыхлым тела и плетется за саями с дровами, закрыв от усталости глаза, и подгоняет себя: «Ну давай же, Зулейха, мокрая курица. Сама знаешь: если отстать от саней – тебе конец. Муртаза не заметит. Так и замерзнешь в лесу». Единственный источник познания мира для нее – жизнь практическая. Но в полугодишной дороге к месту ссылки рождается иной по духу человек, и в этом смысле роман реализует свою жанровую природу: перед нами изменение человека в обстоятельствах бытия.

В романе угадываются различные претексты. Так, Яхина наследует и толстовскую традицию «текучести» человека, претворяет и опыт Шолохова – речь идет не только о *Поднятой целине* (в изображении активистов, проводящих партийную линию), но и о стилистике и конфликтологии ранних рассказов: *Жеребенок*, *Чужая кровь*, *Родинка*. Есть параллели с булгаковскими героями: доктор Лейба родствен Персикову из *Роковых яиц*. О литературных параллелях мы скажем еще ниже, здесь же важнее отметить следующее: нет в книге Яхиной плагиата, вторичности – перед нами литературный по своему духу роман. Автор не отвечает за интертекстуальные эффекты, так как тексты соседствуют, сочетаются друг с другом, живя в его сознании. Таким образом, персонажи имеют литературную генеалогию – роман Яхиной отмечен печатью филологической культуры и несет в себе «культурную матрицу»²⁰.

Точка зрения. «Из всех персонажей Зулейха оказалась живым человеком»²¹.

Наш комментарий. Согласимся с тем, что героиня вылеплена объемно и убедительно. Как этого достигает автор? В образе Зулейхи как «человека естественного» писатель идет в русле традиций русской литературы: это пушкинские черкшенка и Земфира, лермонтовская Бэла и купринская Олеся, позднее – героини Солженицына Иван Денисович и Матрена. Их сознание – *tabula rasa*, на которой жизненный опыт оставляет письмена, а свобода

²⁰ М. и В. Абашевы, *Книга как симптом...*, [15.09.2018].

²¹ В. Бабицкая, *Спецпоселение как спасение*, «Новый мир» 2016, № 5, [электронный ресурс] <http://www.daily.afisha.ru> [15.09.2018].

принимается ими через соответствие законам природы: такова Земфира с ее вспыхнувшей любовью к молодому цыгану, такова купринская Олеся, для которой тайны земли внятнее основ людского общежития. Линия «естественного» ведется Яхиной через весь роман: оно звучит в Зулейхе, когда она слышит ранним утром вздохи гусей и чмокание новорожденного жеребенка. Когда ласково трогает его бархатную морду, успокаивая по-матерински – «свои». Когда вцепляется в спину Муртазе, обезумевшему от страха и ненависти к обирающей власти, требующей очередного продуктового налога, и не дает зарубить «детеныша с длинным шершавым языком» и его мать, Сандугач. Оно бросает ее на защиту от топора мужа доверчивой Кюбелек «с большими влажными глазами», но оказывается бессильным... Природное начало Зулейхи реализует мысль писателя: для героини в единый круг жизнотворения вписана и тревога Сандугач за своего малыша, и прощание Зулейхи с лошастью, так «по-родному пахнущей здоровым потом» и прижимающейся в последней раз к ней, хозяйке, уже выброшенной «красноордынцами» из наезженной колеи. И потому для нее уравниваются и бичура – дух сеней, облизывающий ночью тарелки, и черноглазая синица, севшая на ее рукавицу в лесу, в которой она узнает дочку Шамсию. Скажется естественное начало в Зулейхе и в «кулацкой ссылке», показанной в третьей части с экспрессивным названием *Жить*. И если Игнатова, брошенного вместе с ссыльными на диком берегу Ангары, птицы в лесу оберегают, чувствуя в нем хищника, то главная героиня стала лучшей в артели охотников. Как пугливая Зулейха, жившая в согласии с татарской пословицей «родина женщины – ее муж», превратилась в отважную охотницу? Ответ на вопрос связан в том числе и с метаморфозой вероисповедания героини.

«До утра молитву смиренно твори...»: вера Зулейхи

Точка зрения. Обратив внимание на «детский» вопрос героини: «Как ты думаешь, есть ли на земле места, куда не проникает взор Аллаха?» – рецензент выносит вердикт: «язычница, лицемерка»²², поскольку, мол, «эта постановка вопроса немислима для татарина». В этом же смысловом поле находится и противоположное по знаку суждение: «Мусульманские порядки – зло»²³.

Наш комментарий. Вопрос об изменении религиозного начала в Зулейхе обойти невозможно. Но собственные вкусовые представления о чистоте веры

²² М. Хабутдинова, *Если заглянуть в глаза Зулейхе*, [электронный ресурс] <http://kalebtatar.ru>, 21.12.2015 [15.09.2018].

²³ Г. Юзефович, *Следы на воде, Зулейха и завидное чувство Веры Стениной. Женская проза. Обзор*. [электронный ресурс] <http://medusa.io>, 29 мая 2015 [15.09.2018].

(и не только) – весьма ненадежный инструмент познания. Яхина сдирает покров идеализации с ряда мировоззренческих клише, что и стало серьезным основанием для гневных оценок: в душе Зулейхи мирно уживаются Аллах и языческие боги – и это пришлось не по вкусу ревнителям устоев. Да, с именем Аллаха Зулейха встает и ложится, он с ней в заботах о Муртазе и привередливой свекрови, в нескончаемых хлопотах по хозяйству. Зулейха ощущает: Всевышний на ее стороне, даже если при этом ей нужно проявить непослушание – вынести незаметно от Муртазы пастилу, угощение для духа околицы. В отношениях с духами околицы, сеней и кладбища героини и вера, и робость, и короткость – почти семейственность. Так, тревожась о прахе четырех умерших в младенчестве дочек, чьи имена Зулейха «перебирает, как четки», она оставляет угощение духу околицы, горячо надеясь, что он поговорит «по-свойски с духом кладбища» и уговорит того позаботиться о ее девочках – им нужно «лежать в тепле и спокойствии до самой весны». Это в первой части, а со второй по четвертую мусульманский пласт истончается: героиня, выносившая и родившая сына у костра, на глазах переселенцев, на голой бесприютной сибирской земле, балансирует на краю жизни. И постепенно приучается жить в согласии с мудростью своего народа – «надеющийся на Аллаха останется ни с чем». Зулейха проходит через систему притяжений и отталкиваний от культуры, в которой родилась²⁴. Вот традиционное понятие о возможном и недопустимом для мусульманки: «...грешно сидеть так близко к чужому человеку. Стыдно – праотцам до третьего колена». Вот платок, покрывающий голову мусульманки... Но как эти религиозные представления могут защитить героиню, подпитать ее веру в высшую справедливость, если полгода в вагонах для скотины едут «до востребования» по стране, вздыбленной арестами и высылками, женщины и мужчины, старики и дети, мучимые вшами, болячками, голодом и жаждой, вынужденные справлять естественную нужду здесь же, при всех, за тряпкой-перегородкой? Многое увидят глаза Зулейхи! Одно из первых прозрений придет к ней на железном пути в ссылку, пути, по сути ставшем инициацией. Так, перебирая вероучительные аспекты своей религии (акиды), в мысленном разговоре с матерью героиня скажет: «Правила твои были хороши для старой жизни». Сибирские эпизоды имеют ряд переключек с первыми страницами и вопросом Зулейхи о всеведении Аллаха: повествование выводит на важнейший философский вопрос – о возможности оправдания Всемогущего в мире зла и боли.

Уважая религиозные ценности своего народа, Яхина не превращает их в спасительную силу. Эта позиция отражена в судьбе Зулейхи: ислам

---

²⁴ М. Савельева, *Утверждение через отрицание*, «Октябрь» 2015, № 12, [электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru> [15.09.2018].

отступает в схватке человека с мощными силами природы и не менее мощными силами государства. Отступает, как вера, требующая от ее носителя полной отдачи себя в руки творца и соблюдения обрядов, освобождая место язычеству. Почему? Выскажем предположение: боги и духи, ждущие жертвоприношения, оказываются ближе ссыльным, краем жизни зацепившихся за один из нелюдимых берегов равнодушно-холодной Ангары: в части *Жить* перед читателем разворачивается инверсионное сотворение мира – природа постоянно обновляется и тем самым возрождается, поэтому и Зулейха и ее товарищи по крестному пути возвращаются к прежней, языческой вере, через которую прошли многие народы в начале цивилизации. Боги и духи поселяются между людьми, вынужденными, чтобы не умереть, стать в первую зимовку лесными братьями и словно бы договориться с мистическими силами, поделив с ними общее пространство бытия. Природа дает человеку почувствовать относительность его силы, малость его знания и – величие своей. Мотив диалога с природой подчеркивает авторскую мысль: с одной стороны, государство жестокостью загоняет людей в первобытное состояние, вращая колесо истории назад. А с другой стороны – иное: человека легко убить, но невероятно трудно истребить, он может выстоять, даже когда государство отвернулось, считая его мертвецом, а око Всевышнего занято иным. В этой амбивалентности решения темы Человека и Природы, Человека и его Веры – одна из особенностей романа. И еще: по мысли автора, покорности (именно так переводится слово «ислам»), отказывающейся бороться за жизнь своего новорожденного сына, нет места в сознании женщины, уже похоронившей четырех малолетних девочек, – жажда защитить теплящуюся жизнь Юзуфа, нутряная сила материнского как сила со-Творения, утверждения бытия берет верх в Зулейхе. В этом трудная правда героини; роман разочарует тех, кто ждал сусального изображения внутреннего мира ортодоксально верующего: поиск Зулейхой национальной идентичности не лежит на путях патриархальной веры – и это отражение сознания автора, живущего в мультикультурном мире: принятие национального может проходить в человеке через дистанцирование от него²⁵. В этом смысле Яхина не хочет соответствовать читательским ожиданиям, а ищет третий путь. О нем размышлял Чехов:

Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из двух этих крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало.

---

²⁵ Там же.

Поиски Зулейхи идут в этом громадном поле – самому автору, создавшему ее, интересна та середина, от которой, по Чехову, отказывается и верующий, и атеист.

Ради ребенка львица пошла в огонь: тема материнства

Точка зрения. В *Зулейхе...* человечье вытесняется зверьим, а индивидуальное – родовым²⁶.

Наш комментарий. Нет, это книга о материнстве. В романе эта тема реализована тремя сюжетными линиями: это и несостоявшееся материнство (Илона с ее чувством к Игнатову, домработница доктора Лейбе, написавшая донос на известного акушера и ученого), и спорящие друг с другом линии воплотившегося материнства. На одном полюсе – столетняя Упыриха с ее «злой, непобедимой силой»: троих детей она лишила еды ради последнего, десятого ребенка – Муртазы. А на другом – Зулейха с ее жертвенностью. Упыриха внушает сыну мысль о его (своей?) невинности перед умершими в голодный год братьями, и ее рассказ строится от противного: «Даже думать про это не смей... Тысячу раз тебе повторяла – и скажу в тысяча первый: я их не убивала. Сами умерли. От голода. Молока им не давала – это правда. Все, что было во мне, тебе оставляла. И слышишь, сынок? Мы их не ели. Мы их похоронили». Несложные расчеты говорят: в рассказе свекрови речь идет о голоде 1870. Голод, как важная подробность повествования, повторится в круге дат: 1917–1920–1924–1926 – именно в эти годы не станет детей Муртазы и Зулейхи. В эпизоде разговора с сыном – отзвук шаламовской, скупой и по-настоящему страшной, а не нарочито пугающей прозы: умение писать строго о запредельно жестоком усвоено и творчески осмыслено Яхиной. Образ же Упырихи, с одной стороны, вырастает из фольклорных источников, узнаваемых читателем, а с другой – психологически убедителен: именно свекровь как связующее звено несет в себе родовое начало, которое будет защищать Зулейху и ее сына. Именно с Упырихой примирится Зулейха, когда отпустит Юзуфа в большой мир. Так Яхина воплощает одну из главных особенностей романа как жанра – он требует объемности решений, и в этом смысле образ свекрови – еще одно открытие: он сложен, многопланов, емок. Как правда, которая, по татарской пословице, имеет много лиц.

Мотив сохранения жизни ребенка как первичного смысла материнства звучит трагически. Защита Юзуфа – одна из основных экзистенциальных

---

²⁶ В. Пустовая, *Большой роман с вишенкой*, «Вопросы литературы» 2016, № 3, [электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru> [15.09.2018].

стратегий судьбы героини: смерть – это уступка беспощадной системе, жизнь – сопротивление ей. Здесь Яхина – наследница традиции изображения человека сопротивляющегося. Но ее палитра прозрачнее, мазок мягче, сюжетные ходы отражают женский взгляд на мир: две любви – к ребенку и мужчине – питают стойкость Зулейхи, помогая ей прозреть.

Вот еще одно наблюдение: на охоте или в лазарете Зулейха часами остается одна. Что за странность? У современного исследователя текстов, написанных теми, кто прошел через ГУЛАГ, находим ответ, подтверждающий авторскую логику: одиночество в лагерной жизни – «способ сохранения самости [...] наедине с собой индивид бережно создает глубоко внутреннюю жизненную стратегию»²⁷, который, как и любовь, дает силы к самообновлению. А оно присуще не зверю – человеку.

«Все хорошее запиши в своем сердце, а все плохое – на воде»

Первое. Финал первого романа Гюзели Яхиной дарует читателю надежду, утешение, ответы на многие вопросы, и в этом смысле (при всей неоднозначности этого понятия), книгу можно, на наш взгляд, отнести к беллетристике – крепкой, честной, мастеровитой. Второе: нам близка мысль С. Зенкина: если писатель работает только на совпадение содержания с горизонтом читательских ожиданий, то книга пользуется успехом, а затем ее судьба – кануть в Лету еще на веку читавшего ее поколения. Если же автор уходит далеко за горизонт, ничуть не оправдывая чаяний, то он остается непонятым, а круг его читателей крайне узок²⁸. В этом смысле Г. Яхина умеет строить повествование на точках сближения, на диалоге с традицией, подтверждая ожидания читателя, и в то же время она не боится спорить с канонами. Третье: Яхина попала в болевую точку – у немалой аудитории сегодняшних читателей есть психологическая и социальная потребность в возвращении/художественной реконструкции исторической памяти, есть запрос на осмысление себя через прошлое родины.

И последнее. Восточную пословицу: «Все хорошее запиши в своем сердце», – можно отнести к Гюзели Яхиной, талантливая книга которой отозвалась, тронула сердца российских и зарубежных читателей.

---

²⁷ Н. В. Тищенко, *ГУЛАГ и дискурсивные практики: «крутой маршрут» русских писателей в советских лагерях*, [электронный ресурс] http://e-notabene.ru/fr/article_173.html [15.09.2018].

²⁸ С. Зенкин, *Теория литературы: проблемы и результаты*, Москва: Новое литературное обозрение 2018, с. 321–332.

References

- Abashevy, Marina i Vladimir. "Kniga kak simptom. Kak sdelan roman Guzeli Yakhinoy *Zuleikha otkryvaet glaza*". <http://www.magazines.russ.ru>
- Aysin, Ruslan. *Istoriya odnogo predatelstva*. <http://poistine.org/istoria-odnogo-predatelstva>
- Babitskaya, Varvara. *Spetsposeleniye kak spaseniye*. <http://daily.afisha.ru>
- Batulla, Rabit. "Chto uvidela Zuleikha, kogda otkryla glaza?". *Kazanskiye vedomosti*. No. 9, 26.01.2016.
- Bekkin, Renat. "Mokraya kurictsa tatarskoi literatury, ili Kogo predala Zuleikha", *Sibirskiyе ognі*. No. 9 (2016).
- Khabutdinova, Mileusha. *Yesli zaglyanut v glaza Zuleikhe*. <http://www.kalebtatar.ru> [21.12.2015].
- Kucherskaya, Maya V. *V zakoldovannom lesu*. <http://www.vedomosti.ru> [9.06.2015].
- Pustovaya, Valeria. *Bolshoi roman s vishenkoi*. <http://magazines.russ.ru>
- Raspopina, Irina. *Sibirskaya Skarlett, ili Zuleikha otkryvaet glaza*. <https://www.livelib.ru/book/1001173596/reviews/articles.ircity.ru>
- Samoylov, David. *Pamyat*. <https://www.rustin.ru>
- Savkina, Irina, Rozenholm Ariya. *Sekret yeyo uspekha*. <https://cyberleninka.ru>
- Savelyeva, Maria. *Utverzhdeniye cherez otritsaniye*. <http://www.magazines.russ.ru>
- Tishenko, Nataliya V. *GULAG i diskursivnyye praktiki: «krutoi marshrut» russkikh pisatelei v sovetskikh lageryakh*. http://e-notabene.ru/fr/article_173.html
- Ulistkaya, Ludmila. *Zuleikha otkryvaet glaza: roman/ Guzel Yakhina; predisloviye L. Ulitskoi*. Moskva: ACT: 2017.
- Vakhit Imamov o romane *Zuleikha otkryvaet glaza: «U zhenshiny dlya etogo ne hvatit uma»*, <http://www.business-gazeta.ru/article/300676>
- Voycekhovskii, Boris. "Interview s Yuriem Polyakovym: Dlya premii vazhno «otchiznoedstvo»". *Vechernyaya Moskva* [9.12.2015].
- Yakhina, Guzel. «*Emotsiya – samoye vazhnoe v iskusstve i esli mne udalos zarodit yeyo v chitatelnykh...*». <http://www.les.media,les Alpha>
- Yuzefovich, Galina. *Sledy na vode, Zuleikha i zavidnoe chuvstvo Very Steninoi. Zhenskaya proza. Obzor*. <http://www.medusa.io>
- Zenkin, Sergei. *Teoriya literatury: problemy i rezultaty*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.